

КРЭНФОРД

КРЭНФОРД

ЭЛИЗАБЕТ ГАСКЕЛЛ

ЭЛИЗАБЕТ
ГАСКЕЛЛ

Яркие зарисовки из жизни Мэри Смит и ее подруг, обитающих в захолустном английском городке. В Крэнфорде нет ничего примечательного, кроме того, что в нем совершенно... не приживаются мужчины. Чопорные и целомудренные крэнфордские дамы живут по собственным неписанным законам и удивляют своими чудачествами. К тому же они непреклонны в убеждении, что быть мужчиной – это вульгарно. Впрочем, в конце концов в Крэнфорде все же появляется человек, которому удастся изменить их взгляды. Книга очаровывает неподражаемым юмором, филигранно передает тончайшие нюансы взаимоотношений и красоту человеческой души.

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-5623-1

9 786171 256231

ELIZABETH GASKELL

CRANFORD

A NOVEL

ЭЛИЗАБЕТ ГАСКЕЛЛ

КРЭНФОРД

РОМАН

ХАРЬКОВ КЛУБ
2019 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.111
Г22

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Печатается по изданию:
Гаскелл Э. Крэнфорд / Пер. с англ. И. Гуровой. —
М.: Художественная литература, 1973

Перевод с английского И. Г. Гурова

В оформлении обложки
использована картина *Хэйвуда Харди* «Встреча в лесу» /
Heywood Hardy «The Meeting in the Forest»

Дизайн обложки *агентство «ТИМ+»*

- © Гурова И. Г., наследники, перевод на русский язык, 2019
- © ТИМ+, обложка, 2019
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2019
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2019

ISBN 978-617-12-5623-1

«Начнем с того, что Крэнфордом владеют амазонки:
если плата за дом превышает определенную цифру,
в нем непременно проживает дама или девица».

Э. Гаскелл

Предисловие

Читатели советских времен знали Элизабет Гаскелл главным образом как автора «Мэри Бартон» (1848), ее первого романа, в котором отразились трагические испытания, выпавшие на долю английского народа в «голодные сороковые годы», его отчаянная, но обреченная на поражение борьба за политическую «хартию» и первые попытки объединения для защиты своих социальных прав. Эта книга, рассказывающая о безмерных страданиях и великом гневе, проникнута мрачным пафосом. Сама Гаскелл считала, что только гений Данте мог бы воздать должное избранной ею теме. Ее «манчестерская история», по словам писательницы, была задумана как «трагическая поэма». Престарелая романистка Мария Эджворт, друг и предшественница Вальтера Скотта, прочитав «Мэри Бартон», писала, что сюжет этого романа сгодился бы «для высочайшей греческой трагедии».

«Мэри Бартон» вызвала оживленную полемику, писательница приобрела многочисленных врагов и друзей (среди тех, кто приветствовал этот роман, были Карлейль, Лэндор, Диккенс) и положила начало английскому социальному роману на «рабочую» тему. Гаскелл на целый год опередила «Шерли» (1849) Шарлотты Бронте и на два года «Олтона Локка» (1850) Кингсли. Есть основания полагать, что ее роман мог натолкнуть Диккенса на мысль о создании «Тяжелых времен» (1854).

Русских читателей впервые познакомил с этим романом Ф. М. Достоевский, поместивший перевод «Мэри Бартон» в негласно руководимом им журнале «Время». Выбор этот примечателен: в социально-этической проблематике романа занимает значительное место тема «преступления» и «наказания» (убийство Карсона, совершенное Джоном Бартоном, и позднейшее «покаяние» и «просветление» убийцы), столь важная для творчества Достоевского.

«Крэнфорд» (1853) был написан в совершенно другой тональности, хотя, как и «Мэри Бартон», был основан на личных впечатлениях Гаскелл. В своих письмах она не раз ссылалась на «подлинность» многих забавных происшествий, описанных в этой книге. «Там все правда, ведь я сама видела корову, одетую в серую фланелевую кофту, и я знаю кошку, которая проглотила кружево...» — писала она Рескину. Эти столь несхожие, хотя и внутренне родственные друг другу книги обозначают два противоположных полюса, между которыми, по ее собственному выражению, «вибрировала» всю свою жизнь Элизабет Гаскелл.

«Я выросла в маленьком городке, а теперь мне выпало на долю жить на окраине большого фабричного города; но с наступлением первых весенних дней, когда распускающаяся листва и сладостные запахи земли говорят мне, что «близится лето», во мне пробуждается инстинктивное беспокойство, меня тянет туда, где раскинулись безлюдные просторы, поросшие сочной травой. Так птица, разбуженная сменой времен года, устремляет свой полет к хорошо знакомой, хотя, казалось, позабытой стороне. Но я не птица, а женщина, меня привязывают к дому семейные обязанности, а так как к тому же я не

обладаю крыльями голубки, а должна путешествовать в дилижансе и расплачиваться с кучером, то мне приходится оставаться дома», — писала Гаскелл друзьям.

В «Крэнфорде» отразилась эта ностальгия по далекой и близкой стране ее детства и юности, никогда не покидавшая Гаскелл на протяжении тридцати трех лет, прожитых ею в «раскаленном, страшном, дымном, гнусном Вавилоне Великом», каким казался ей промышленный Манчестер. «Всякий раз, когда мне неможется или я больна, я перечитываю «Крэнфорд» и — я хотела бы-ло сказать, наслаждаюсь им (но мне это говорить неловко), — и снова смеюсь над ним!» — писала Гаскелл Джону Рескину в феврале 1865 года, за полгода до смерти. В своем роде это была книга, написанная «в поисках утраченного времени».

Элизабет Гаскелл (1810—1865) родилась в Лондоне, где ее отец служил в казначействе. Рано лишившись матери, она годовалой девочкой была передана на попечение тетки и выросла в ее доме в маленьком захолустном городке Натсфорд, в графстве Чешир, славившемся своими лугами, молочным хозяйством (и, в частности, знаменитым чеширским сыром). Гаскелл не скрывала того, что именно Натсфорд послужил прототипом ее Крэнфорда — такого же старосветского городка, затерянного среди лугов и полей сельской «зеленой Англии». Все здесь в те времена дышало стариной. Правда, воинственные смысловые ассоциации, скрытые в названии Натсфорда (Knutsford буквально означает: «Канутов брод» или «Канутова переправа»), позволяющие относить его возникновение ко временам вторжения датчан, были давно приглушены временем. Но городок гордился рынком, возникшим, по преданию, еще в XIII веке,

старинными домами с островерхими крышами и тяжелыми дубовыми балками, выступающими в кладке стен, и более поздними, но также уже старомодными красными кирпичными домами начала XVIII века в стиле «королевы Анны» (в таком доме росла будущая писательница), чинно распланированными садами и прапрадедовской добротной и прочной домашней утварью.

Дочь Теккерея, писательница Анна Теккерея-Ритчи, посетившая Натсфорд уже после смерти Гаскелл, воспроизвела в своем предисловии к «Крэнфорду» патриархальную атмосферу этого городка, где сохранились и гостиница «Георг», описанная в романе, и узенькие средневековые улочки и тупики, и кузница в зеленой лошине на окраине города, более двухсот лет переходившая из рода в род, от отца к сыну, а рядом с нею — старая мельница под сенью высоких деревьев.

Гаскелл с любовью вспоминала старые поэтические чеширские народные обычаи и поверья, с которыми она сроднилась с детства. В день свадьбы земля или мостовая перед домом жениха и невесты посыпалась красным песком, поверх которого белым песком через воронку выводились затейливые узоры, цветочный орнамент, иногда даже поздравительные стихи (так было, вспоминала Гаскелл, в день ее собственной свадьбы, когда были разукрашены почти все дома города). На Рождество детвора обходила дома, распевая под окнами старинные святочные песни. Утром первого мая, на рассвете, у каждой двери вывешивалась ветка дерева или пучок зелени. «Это был своего рода «язык деревьев», так как эти ветви характеризовали нрав главной обительницы дома, — поясняет Гаскелл. — Ветка березы означала хорошенькую девушку;

ветка ольхи — сварливую бабу; ветка дуба — почтенную женщину». Но пучок крапивы или дрока, вывешенный насмешниками у дверей девушки, мог навсегда ее обесславить. Чеширские служанки, сверстницы будущей писательницы, верили в приворотное зелье — «драконову кровь»; они знали, что, увидев в первый раз молодой месяц, надо сделать ему книксен и перевернуть в кармане деньги — тогда их станет вдвое больше до того, как луна пойдет на ущерб.

Гаскелл признавалась, что и сама продолжает верить в некоторые приметы. «Увидеть падучую звезду — к несчастью... У меня всегда замирает сердце, когда я ее вижу». Она знала также, как коварен шиповник: никогда не следует строить планы или делиться своими замыслами, сидя под сенью цветущего шиповника: ничто из задуманного не сбудется! Она уверяла свою корреспондентку, что лично знакома с человеком, который собственными глазами видел фей. «А если бы мы с вами побывали на холме Олдерли-Эдж, на границе между Чеширом и Дербиширом, я могла бы точно указать вам вход в пещеру, где спит в золотой броне король Артур со своими рыцарями, пока не придет день, когда Англия будет в опасности и они встанут ей на помощь».

В быте и нравах обывателей Натсфорда — отставных чиновников, вдов и старых дев, доживающих свой век на скромную ренту, — было весьма мало героического. Но при всей мизерности их интересов и мелочности наивного этикета, старательно соблюдаемого этими представителями захолустной провинциальной «элиты», их невинные претензии и маленькие чудачества были не лишены привлекательности: забавное простодушие их старомодного жизненного уклада, столь непохожего на деловой

практицизм самоуверенных манчестерских буржуа, с его критериями пользы и чистогана, могло вызвать у пристального наблюдателя не только усмешку, но и сочувственное раздумье.

Став женой Уильяма Гаскелла, священника унитарной церкви в Манчестере, Элизабет, казалось, навсегда распростилась со старосветской патриархальной «зеленой Англией» своего детства и юности. Всего шестнадцать миль расстояния да река Мерси — естественная граница между сельскохозяйственным Чеширом и промышленным Ланкаширом — отделяли ее от родного Натсфорда. Но дистанция измерялась не милями, а ходом истории. Манчестер, центр английской текстильной промышленности, был оплотом буржуазного либерализма, по-своему ничуть не менее твердолобого, чем торийский консерватизм, колыбелью ханжеской «манчестерской школы» буржуазной политической экономии. Состоятельные прихожане мистера Гаскелла, унитарии-диссиденты гордились своим свободомыслием в толковании некоторых богословских догматов (они, в частности, отрицали существование святой троицы и не считали богом Иисуса Христа), но их социальные воззрения отличались таким же ханжеством. Пылкий интерес молодой жены их священнослужителя к самым наиболее и «неприятным» общественным проблемам того времени казался им достойным сурового демонстративного осуждения. Как при жизни, так и посмертно Элизабет Гаскелл громогласно обвиняли в том, что она «упорно и предвзято хочет оправдать несправедное». Под «несправедным» подразумевалось и народное возмущение классовым неравенством, и стремление женщин к равноправию, и обличение власти чистогана.

После выхода ее второго романа, «Руфь» (1853), драматической истории девушки-работницы, обольщенной светским фатом, но сохраняющей, наперекор «общественному мнению», благородство и силу духа, Гаскелл пришлось, как она писала золовке, «распроститься со всеми своими респектабельными друзьями». Она стала предметом стольких нападков, что сравнивала себя со «святым Себастьяном, привязанным к дереву как мишень для стрел». Даже в ее собственном доме эта книга была под запретом для ее взрослых дочерей. Двое из прихожан ее мужа сожгли ее роман, а третий запретил жене читать его. «Мы сидим с ними рядом в церкви, и вы не можете себе представить, какой «неприличной» я чувствую себя под их взглядами», — писала Гаскелл.

Ее глубокой, чуткой, богато одаренной натуре было тесно в стенах пасторского дома и среди манчестерских коммерсантов и дельцов, составлявших наиболее влиятельную часть прихожан ее мужа. Гаскелл приходилось встречаться и с людьми иной породы и закалки — с манчестерскими рабочими, в «Мэри Бартон» и в позднейшем романе «Север и Юг» (1855) она отдала должное их независимому уму и твердому характеру. Но ее попытки вмешаться в их тяжкую жизнь не могли быть плодотворны: скромная частная филантропия, как бы самоотверженно (что видно по ее письмам) ни занималась ею Гаскелл, не могла существенно изменить положения рабочих и перебросить мост между «двумя нациями», на которые была расколота Англия.

Гаскелл добросовестно исполняла свои обязанности, даже когда они входили в противоречие с ее творческими интересами. Сообщения о ходе работы над новой книгой переплетаются в ее письмах с досадливыми упо-

минаниями о хозяйственных хлопотах: о коровнике и птичьем дворе (Гаскеллы и в Манчестере держали корову, свиней и домашнюю птицу), о кройке белья для четырех дочек, о расчетах с прислугой, о ремонте канализации. Иной раз она с явным раздражением пишет об этих «каждодневных лилипутских стрелах мелочных забот», от которых пытается уйти в «тайный мир искусства». В других случаях ее письма проникнуты чувством глубочайшей усталости. Характерно одно из писем к издателю, написанное за полгода до смерти, когда она работала над своим последним романом — «Жены и дочери» (1865), который ей не суждено было окончить: «Дорогой мистер Смит, написано, кажется, около 870 стр., ...но трудно определить. Роман мог бы быть и длиннее, мне есть еще что сказать; но, ах! я так устала, вытягивая пряжу из моего мозга, а чувствую себя совсем не хорошо. Впрочем, что мой мозг по сравнению с вашим!.. Я ненавижу интеллект, и литературу, и изящные искусства, и математику! Я начинаю думать, что на том свете святой Петр запретит все книги и газеты; а все развлечения будут состоять только в том, чтобы кататься в коляске в Харроу и вечно лакомиться земляничкой со сливками».

В последние годы жизни она лелеяла план вырваться из Манчестера, обзавестись загородным домиком где-нибудь на приволье, в одном из еще не тронутых уголков старой «зеленой Англии». После многих хлопот и волнений — план этот был задуман втайне от мистера Гаскелла и мог быть осуществлен только ценой строжайшей экономии и в счет будущих, еще не заработанных гонораров — желанный приют под уютным названием «Лу-жайка», по соседству с «прекрасной патриархальной

деревушкой» в Хемпшире (таком же сельскохозяйственном графстве, как и ее родной Чешир), был облюбован, куплен и обставлен. Гаскелл уже писала друзьям о сенокосах, которыми славятся окружающие ее домики луга, о том, сколько яблок уродилось в ее саду... 12 ноября 1865 года она приехала туда вместе с двумя дочерьми и зятем — и скоропостижно скончалась в кругу семьи за чайным столом во время первого чаепития на новоселье. Писательницу похоронили в ее любимом Натсфорде: только так смог в действительности осуществиться задуманный ею побег в милый сердцу Крэнфорд ее мечты.

Но «Крэнфорд», написанный ею двенадцатью годами ранее, надолго пережил свою создательницу и прочно вошел в английскую литературу как один из ее классических памятников. Призвание нескольких сменившихся поколений читателей доказало жизненность светлого юмора и сердечной теплоты, пронизывающих эту книгу, среди первых ценителей которой были Диккенс и Теккерей, Рескин и Шарлотта Бронте.

«Крэнфорд» продолжает и сейчас оставаться в странах английского языка одной из самых популярных книг Гаскелл. А обнародованное эпистолярное наследие писательницы (полное собрание ее писем было впервые издано в 1967 г.) показало, как глубоко и органично связана эта книга с личной биографией Гаскелл, со всем ее творчеством и с ее взглядами на искусство и жизнь.

«Крэнфорд» был впервые напечатан отдельными выпусками в журнале Диккенса «Домашнее чтение» («Household Words»), с декабря 1851 по май 1853 года. С этим связана своеобразная композиция книги, состоящей из полутора десятков сравнительно самостоятельных, обо-

собленных глав. Первоначально писательница предполагала ограничиться одним-двумя юмористическими очерками крэнфордских нравов. Диккенсу удалось убедить ее продолжить свою работу и развить свои наброски в целую повесть. Впоследствии Гаскелл жалела о том, что, не предусмотрев этого расширения «Крэнфорда», слишком рано рассталась с одним из дорогих ей героев, капитаном Брауном: погибнув под колесами поезда во второй главе, он уже не мог быть воскрешен к жизни в дальнейшем.

Повесть «Крэнфорд» была, пожалуй, самой «диккенсовской» из всех книг Гаскелл. С мягким, дружелюбным юмором писательница изображает маленький старосветский провинциальный мирок крэнфордских «амазонок». Это определение сразу же, с первых строк «Крэнфорда», вызывает улыбку читателя: так безобидна воинственность почтенных «героинь» Гаскелл даже тогда, когда они ратуют со всем пылом добродетели, уверенной в непогрешимости своего вкуса и неколебимости нравственного авторитета, за то, что считают непререкаемой истиной (именно так, например, отстаивает мисс Дебора Дженкинс преимущества сочинений несравненного доктора Сэмюэла Джонсона перед легкомысленными писаниями некоего «Боза» (Диккенса), летописца «Пиквикского клуба»).

С произведениями Диккенса роднят «Крэнфорд» и сказочные мотивы, озаряющие вспышками бенгальского огня будни повседневного существования. Майор Гордон, как сказочный принц, вовремя возвращается к своей суженой, осиротевшей Золушке, Джесси Браун. К возвращению на родину другого скитальца, Питера Дженкинса, примешивается прямое «колдовство», —

ведь только благодаря появлению в Крэнфорде загадочного чужеземного мага и волшебника «синьора Брунони» (английского сержанта Сэма Брауна, научившегося своим трюкам у индийских фокусников) Мэри Смит удалось узнать заморский адрес «аги Дженкинса» и вызвать его на родину. А сам «ага Дженкинс», чьи фантастические рассказы о его похождениях на Востоке могли бы посрамить даже барона Мюнхгаузена, — разве не кажется он с его загадочным прошлым и экзотическими привычками сказочным персонажем, сошедшим со страниц «Тысячи и одной ночи»? В этом кружке простодушных энтузиасток ему прощают все нарушения этикета и верят всем его небылицам — даже кощунственному рассказу о том, как, охотясь на Гималаях, он невзначай подстрелил херувима! (Прошло полвека, и Герберт Дж. Уэллс сделал эту фантастическую ситуацию — с той разницей, что в его романе ангел подстрелен не сыном священника, а самим священником, — исходным пунктом своей сатирической аллегории «Удивительное посещение», 1895 г.) И уж совсем подиккенсовски выглядит эпизод закрытия скромного торгового заведения мисс Мэтти Дженкинс, ознаменованный сказочными щедротами ее брата: стоя у окна ее маленькой гостиной, он осыпает толпу крэнфордских ребятишек целым дождем конфет и леденцов.

Само время течет здесь по особым законам, так медленно, что можно заподозрить, не приостанавливается ли оно иногда на длительный срок. Недолгое царствование короля Вильгельма IV (1830—1837) и его супруги королевы Аделаиды здесь, в Крэнфорде, кажется, продолжается бесконечно. Во второй главе повести злополучный капитан Браун перед смертью читает свежий выпуск «За-

писей Пиквикского клуба» (1836), что позволяет наметить исходный хронологический пункт действия. Но проходят годы. Младшая дочь капитана, мисс Джесси Браун, успевает выйти замуж и вырастить детей, ее дочка Флора гостит у старой мисс Дженкинс и украдкой читает «Рождественскую песнь в прозе» (1843) Диккенса вместо очерков доктора Джонсона. Наконец умирает и мисс Дженкинс, проходят еще годы, а королева Аделаида продолжает оставаться законодательницей мод крэнфордских дам, и самым элегантным рукоделием в их кругу по-прежнему считаются «верноподданнические» вышивки шерстью по канве, воспроизводящие ее портрет, — как будто бы никто не слышал о восшествии на престол в 1837 году юной королевы Виктории! Да, в этом мире время замедляет свой бег, и простодушная мисс Мэтти навсегда остается для ее седовласого брата «малюткой Мэтти», сколько бы зим и лет ни пронеслось над ее головой.

По сравнению с Диккенсом юмор Гаскелл в «Крэнфорде» мягче и сдержаннее. В ее изобразительной манере преобладают спокойные полутона, а не резкие штрихи, смелые гиперболы и диссонансы, характерные для диккенсовского гротеска. Святочное веселье Дингли-Делла, в котором Диккенс воплотил свой идеал патриархальной старосветской Англии, показалось бы слишком шумным и буйным чопорным и робким обитательницам Крэнфорда. Диккенсовская мисс Бетси Тротвуд (из «Давида Копперфилда») смутила бы своею воинственностью и эксцентричностью смиренных «амазонок» Гаскелл.

Это не значит, однако, что «Крэнфорд» посвящен всецело «кружевам и лаванде». Артур Полмард, один из лучших современных английских знатоков наследия Гаскелл,

справедливо оспаривает эту точку зрения, которая возможна лишь при очень поверхностном восприятии повести. Забавные и трогательные мелочи «старосветского» быта в «Крэнфорде» подчинены общей идее, выраженной писательницей не назойливо, но достаточно ясно для вдумчивого читателя.

Анна Теккерей-Ритчи, автор предисловия к «Крэнфорду», была права, уловив в этой повести глубоко скрытые отголоски «Мэри Бартон». Как ни замкнут в своем захолустном уединении маленький мирок добродушных крэнфордских «амазонок», он составляет часть большого мира индустриальной и коммерческой Англии и должен по-своему реагировать на его проблемы. Город Драмбл (звукоподражательное вымышленное название которого передает одновременно и грохот, и стук, и толчею огромного промышленного и торгового центра, в котором угадывается Манчестер) недаром многократно упоминается в повести уже начиная с первой страницы. В Драмбл уже протянулась проходящая через тихий Крэнфорд дорога — та самая «мерзкая железная дорога», где служил и погиб бедный капитан Браун.

Отсюда, из Драмбла, приезжает в Крэнфорд в качестве частой и желанной гостьи, но в то же время и сторонней наблюдательницы рассказчица, от лица которой ведется повествование, — «чопорная малютка Мэри» Смит, в которой нетрудно угадать двойника самой Элизабет Гаскелл. Ее роль в сюжетном движении повести кажется довольно скромной. Но ее особый, личный угол зрения придает изложению эмоциональную выразительность, усиливая то сентиментально-лирические, то комические оттенки в изображении происходящего. Присутствие этого незаметного, но зоркого соглядатая

позволяет читателям увидеть крэнфордский мирок таким, каков он есть на самом деле, но каким он сам себя не видит, — со всеми абсурдными, смешными, а вместе с тем и трогательными подробностями его существования.

Именно благодаря присутствию Мэри Смит в повесть органически включается столь важное для общего замысла Гаскелл критическое сопоставление двух различных систем социально-этических критериев и ценностей жизни — системы делового, коммерческого Драмбла и старомодного захолустного Крэнфорда. Это сопоставление, незаметно подготовляемое всем ходом повести, достигает наибольшей драматической остроты в главе XIII, рассказывающей о катастрофе, постигшей бедную беспомощную мисс Мэтти Дженкинс в связи с крахом Городского и сельского банка в Драмбле, куда было вложено все ее скромное состояние.

Мисс Мэтти разорена. Но ее больше всего мучит не мысль о собственной одинокой нищей старости, а горестное убеждение в том, что, как одна из акционерок и пайщиц банка, она ответственна за все те несчастья, какие принесло прекращение платежей ее соседям — горожанам и фермерам. Едва услышав в лавке о крахе банка, она — обычно столь нерешительная и несмелая — стремительно следует своему первому побуждению и отдает пять полновесных золотых соверенов из своего кошелька фермеру, у которого приказчик отказывается принять банкноту лопнувшего предприятия.

С точки зрения здоровой манчестерской политической экономии это, конечно, поступок столь же безграмотный, сколь и бесполезный, и Гаскелл это знает. Но по-

другому, человеческому счету мисс Мэтти права, последовав своему безотчетному сердечному порыву. И Мэри Смит готова откусить себе язык, едва у нее сорвался естественный для жительницы Драмбла саркастиче-ский вопрос: уж не собирается ли мисс Мэтти обмени-вать на соверены все обесцененные банкноты Городско-го и сельского банка?

Мисс Мэтти, конечно, и не могла бы этого сделать. Но, следуя гуманной утопической традиции, столь сильной в английском реалистическом социальном ро-мане ее времени, Гаскелл показывает, как круговая по-рука бедноты согревает одинокую старость этой разо-рренной, беспомощной женщины. Ее приятельницы делятся последними крохами, чтобы в складчину тай-ком обеспечить ей кусок хлеба. А служанка Марта бе-рется бесплатно заботиться о ней даже после того, как выйдет замуж и обзаведется своей семьей... Мораль книги в этих главах настолько ясна, что упоминание Мэри Смит о значительных денежных потерях, поне-сенных в Драмбле ее отцом — опытным коммерсан-том, несмотря на все его предосторожности, кажется излишним.

Мотив «донкихотства» естественно возникает на страницах «Крэнфорда» — как возникает он и у Дик-кенса, и у Теккерея, если говорить только о современ-никах Гаскелл. Мэри Смит сравнивает с Дон-Кихотом старого оригинала, фермера Холбрука, бывшего сужено-го мисс Мэтти, которого она против воли отвергла, под-чинившись настояниям тщеславной родни. Оставшись до конца дней старым холостяком, он тратит неизрас-ходованные запасы нежности на любовь к родной природе и поэзии, о которой судит как самоучка, но

с пониманием и вкусом. Альфред Теннисон — его последнее предсмертное увлечение...

У мисс Мэтти нет этих ресурсов: фамильная Библия и «Словарь» доктора Джексона, которым она дорожит в память о старшей сестре, составляют всю ее библиотеку. Но ее подавленное материнское чувство прорывается в застенчивой нежности, с какой она относится ко всем ребятишкам, нуждающимся в ее заботе. Как старательно обматывает она пестрой шерстью мячик, предназначенный в подарок маленькой Фебе, больной дочке злополучного странствующего факира, «синьора Брунони»! Как безрассудно нерасчетлива она со своими маленькими покупателями, которым неизменно отпускает, себе в убыток, лишнюю конфету «для довеска»: «Эти крошки так их любят!» И как бережно нянчит она уже слишком тяжелую для ее слабых старческих рук дочурку своей преданной служанки Марты, другую маленькую Мэтти, названную так в честь своей крестной матери.

Теккерей, вероятно, язвительно осмеял и осудил бы снобизм старого священника Дженкинса и его педантичной старшей дочери Деборы, отнявших у бедной мисс Мэтти то личное счастье, для которого она была создана самой природой. Гаскелл предоставляет судить об этом своим читателям. Мотив несбывшихся возможностей, столь характерный для литературы критического реализма, звучит и в «Крэнфорде». Но элегичность этой повести (отмечаемая, например, Артуром Поллардом) умеряется ее юмором. Трудно согласиться с мнением Полларда, который, высоко ценя «Крэнфорд», находит, что это — «книга стариков», книга «без будущего».

Кругозор Элизабет Гаскелл был слишком широк, ее общественные интересы и симпатии слишком многообраз-

ны, чтобы она могла замкнуться в сентиментальном созерцании уходящего в прошлое мира милых старомодных чудаков и чудачек, запечатленного в «Крэнфорде». «Младая жизнь» тянется к солнцу и здесь. В том по видимости безличном повествовательном «мы», каким так часто пользуется Мэри Смит, развертывая свою хронику крэнфордских нравов, обычаев и происшествий, сквозит между строк и легкая ирония: юная рассказчица не забывает о том, что принадлежит все-таки к совсем другому поколению и смотрит на жизнь иначе, чем мисс Мэтти и ее почтенные приятельницы.

«Живая, выразительная, энергичная, мудрая», а вместе с тем «добрая и снисходительная» книга — так оценила «Крэнфорд» Шарлотта Бронте в своем письме к Гаскелл. Этот отзыв, принадлежащий талантливой писательнице-реалистке, прошедшей суровую жизненную школу и не склонной к сентиментальности, сохраняет свое значение и поныне.

А. Елистратова

Глава I

Наше общество

Начнем с того, что Крэнфордом владеют амазонки: если плата за дом превышает определенную цифру, в нем непременно проживает дама или девица. Когда в городе поселяется супружеская пара, глава дома так или иначе исчезает; либо он до смерти пугается, обнаружив, что он — единственный мужчина на всех званых крэнфордских вечерах, либо его полк расквартирован где-то далеко, а корабль ушел в плаванье, или же он всю неделю проводит, занимаясь делами, в большом торговом городе Драмбле, до которого от Крэнфорда всего двадцать миль по железной дороге. Короче говоря, какова бы ни была судьба мужей, в Крэнфорде их не видно. Да и что бы они там делали? Врач совершает свой тридцатимильный объезд больных и ночует в Крэнфорде, но каждый мужчина ведь не может быть врачом. А для того чтобы содержать аккуратные садики в образцовом порядке и выращивать на клумбах чудесные цветы без единого сорняка, чтобы отпугивать мальчуганов, которые жадно взирают на вышеупомянутые цветы сквозь садовую решетку, чтобы прогонять гусей, иной раз забирающихся в сад, если калитка останется открытой, чтобы разрешать все спорные вопросы литературы и политики, не затрудняя себя доказательствами и логикой, чтобы получать верные и обстоятельные сведения о делах всех и каждого в приходе,

чтобы муштровать своих чистеньких служанок, чтобы благодетельствовать (довольно-таки деспотично) беднякам и с искренней добротой помогать друг другу в беде — для всего этого крэнфордским дамам помощники не нужны, они отлично справляются сами. «Мужчина в доме, — как-то сказала одна из них, — очень мешает!» Хотя каждая крэнфордская дама знает о делах своих приятельниц все, мнение этих приятельниц ее совершенно не трогает. Более того: поскольку каждой из них свойственно значительное своеобразие характера, чтобы не сказать — чудачество, то словесное воздаяние никого из них не затруднило бы, но почему-то они по большей части живут в самом благожелательном согласии.

Лишь иногда между крэнфордскими дамами вспыхивают небольшие ссоры, которые разрешаются несколькими колкостями и сердитым вздергиванием подбородка — как раз достаточно, чтобы их тихая жизнь не стала совсем уж пресной. Платья их ничуть не зависят от моды. «Что за важность, — говорят они, — как мы одеты в Крэнфорде, где нас все знают?» А если они уезжают куда-нибудь еще, этот довод остается столь же веским: «Что за важность, как мы одеты здесь, где нас никто не знает?» Платья их обычно сшиты из добротной, хотя и простой ткани, и никто не мог бы выглядеть опрятней этих дам, однако ручаюсь, что последние в Англии рукава с широким буфом, последнюю узкую и простую юбку можно было видеть именно в Крэнфорде, и там они ни у кого не вызывали улыбки.

Я не раз собственными глазами видела великолепный семейный зонтик из красного шелка, под которым кроткая старая дева, последняя из многочисленных братьев и сестер, семенила в церковь, если день был дождливым.

А у вас в Лондоне есть красные шелковые зонтики? Первый зонтик, появившийся в Крэнфорде, стал местной легендой, мальчишки толпами бегали за ним и называли его «фижмы на палочке». Быть может, он и был тем красным шелковым зонтиком, о котором я упомянула, но тогда его держал над своим малолетним потомством молодой сильный отец. Бедная старушка, единственная оставшаяся в живых из всей семьи, поднимала его с большим трудом.

Визиты наносились и отдавались согласно со строгими правилами и установлениями, и молодым девицам, гостившим в городке, эти правила возвещались с той же торжественностью, с какой древние законы острова Мэн раз в год читались вслух на горе Тинуолд.

— Наши друзья прислали узнать, как вы себя чувствуете после дороги, милочка (пятнадцать миль в железно-дорожном вагоне). Они дадут вам отдохнуть завтра, но послезавтра, конечно, заедут к нам, так что после двенадцати будьте, пожалуйста, свободны — с двенадцати до трех мы дома и принимаем.

И далее, когда визит уже нанесен:

— Сегодня третий день. Ваша маменька, наверное, говорила вам, милочка, что визиты полагается отдавать не позже чем через три дня и что оставаться дольше пятнадцати минут не следует.

— Но разве можно в гостях смотреть на свои часы? А как иначе я узнаю, что пятнадцать минут уже прошли?

— Вы должны все время думать о времени, милочка, не забывая о нем, как бы вас ни занимал разговор.

Так как, нанося и отдавая визиты, все твердо помнили это правило, то ни о чем интересном, разумеется, никто никогда не разговаривал. Мы обменивались корот-

кими фразами на общепринятые темы и вставали, чтобы проститься, ровно через пятнадцать минут.

Полагаю, что некоторые из благородных обитательниц Крэнфорда были бедны и лишь с трудом сводили концы с концами, но, подобно спартанцам, они прятали свои страдания за улыбками. Мы никогда не говорили о деньгах, так как эта тема имела привкус торговли и ремесла, а мы, включая самых бедных, все были аристократичны. В крэнфордском обществе царил благодетельный *esprit de corps*¹, и если чьи-либо усилия скрыть свою бедность не увенчивались полным успехом, никто не замечал их тщетности. Когда, например, миссис Форрестер дала званный чай в своем кукольном домике и девочка-служанка попросила сидящих на диване дам привстать, чтобы она могла вытащить из-под него чайный поднос, все приняли подобное новшество как нечто совершенно естественное и продолжали беседовать о домашнем этикете и церемониях так, словно мы все верили, будто в доме нашей хозяйки есть половина для слуг, где за столом председательствуют экономка и дворецкий, и она не обходится одной девочкой из приюта, чьи маленькие красные ручки не донесли бы поднос наверх без помощи самой миссис Форрестер, которая сейчас восседала в парадном туалете, делая вид, что не имеет ни малейшего представления о том, каким печеньем собирается угостить нас повар, хотя она знала, и мы знали, и она знала, что мы знаем, и мы знали, что она знает, что мы знаем, что она все утро пекла чайные хлебцы и пирожки из пресного теста.

У этой всеобщей, хотя и не признанной бедности и всеми весьма признаваемой аристократичности были

¹ Корпоративный дух (*франц.*)

два-три отнюдь не лишние следствия, которые могли бы принести пользу любым кругам общества. Например, обитатели Крэнфорда рано ложились спать и в девять часов уже семенили домой в своих деревянных калошках под охраной служанки с фонарем, а к половине одиннадцатого весь город тихо отходил ко сну. Кроме того, подавать на вечерних приемах какие-либо дорогие напитки или кушанья считалось «вульгарным» (слово, которое в Крэнфорде обладало невероятной силой). Тончайшие ломтики хлеба, чуть-чуть смазанные маслом, и маленькие бисквиты — вот все, что предлагала своим гостям высокородная миссис Джеймисон, а она, хотя и практиковала столь «элегантную экономность», была невесткой покойного графа Гленмайра.

«Элегантная экономность»! Как легко и естественно выпадаешь во фразеологию Крэнфорда! Там экономия всегда была «элегантной», а денежные траты — «вульгарной чванливостью», и эта убежденность в том, что виноград-то зелен, даровала нам всем душевный покой и умиротворенность. Никогда не забуду, какой ужас и смущение вызвал некий капитан Браун, который, поселившись в Крэнфорде, во всеуслышанье заявил, что он беден, — и не шепотом ближайшему другу, предварительно заперев все окна и двери, а посреди улицы! Громким военным голосом, ссылаясь на свою бедность, как на причину, почему он не снял вот этот дом! Крэнфордские дамы и так уже скорбели из-за того, что в их владения вторгся мужчина и джентльмен. Он был капитаном в отставке и получил место на железной дороге, против строительства которой городок слал негодующие петиции. И если вдобавок к своему мужскому роду и к связи с омерзительной железной дорогой он еще

имел бесстыдство рассказывать о своей бедности, обществу оставалось только одно — повернуться к нему спиной и подвергнуть его бойкоту. Смерть столь же реальна и обычна, как бедность, и все же люди никогда не кричат о ней на улицах. Это слово не должно оскорблять благородный слух. Мы безмолвно согласились не замечать, что кто-то из тех, с кем мы обмениваемся визитами, поступает так, а не иначе, из-за бедности, а не по собственному выбору. Если кто-то приходил на званый вечер пешком и возвращался домой тем же способом, причина заключалась в том, что вечер был так пленителен или свежий воздух был так приятен, а вовсе не в том, что портшез обошелся бы слишком дорого. Если летом мы ходили в ситце, а не в легких шелках, то потому лишь, что предпочитали материи, которые легко стираются. И так далее и тому подобное, пока мы совершенно не перестали замечать тот вульгарный факт, что мы — все мы — располагаем лишь весьма скромными средствами. Вот почему мы не были способны понять, как мужчина может говорить о бедности так, словно в ней нет ничего позорного. И тем не менее капитан Браун каким-то образом заставил себя уважать, и вопреки твердо принятому решению Крэнфорд начал делать ему визиты. Когда примерно через год после его переезда в Крэнфорд я гостила там, то с удивлением услышала, что его мнения цитируются и на него ссылаются как на непререкаемый авторитет. Всего двенадцать месяцев назад мои собственные друзья решительно высказались против каких бы то ни было визитов к капитану и его дочерям, а теперь его как-то приняли даже в запретные утренние часы до полудня. Правда, он должен был разобраться, почему дымит труба, а для этого ему нужно было осмотреть ее

раньше, чем затопят камин, но, как бы то ни было, капитан Браун бестрепетно поднялся наверх, говорил голосом слишком могучим для маленькой гостиной и шутил, как шутят ручные, домашние мужчины. С самого начала он не замечал легких знаков пренебрежения и некоторых упущений в обычном церемониале, с какими его встречали. Он держался дружески, хотя крэнфордские дамы были с ним холодны, принимал за чистую монету их саркастические комплименты и бравым прямодушием развеивал брезгливое недоумение, которое вызывал, как человек, не стыдящийся быть бедным. И в конце концов его превосходный мужской здравый смысл и способность изыскивать средства для разрешения всяческих домашних трудностей завоевали ему среди крэнфордских дам положение непререкаемого авторитета. И он продолжал жить по-прежнему, так же не замечая своей новой популярности, как не замечал былой антипатии, и я не сомневаюсь, что он был ошеломлен, когда однажды ему пришлось убедиться, насколько высоко ценится его мнение: совет, который он дал в шутку, был воспринят вполне серьезно и свято выполнен.

Дело было так. Одна из старых дам имела олдернейскую корову, которую любила, как родную дочь. Даже во время кратких пятнадцатиминутных визитов вы успевали выслушать какую-нибудь историю об изумительном молоке или изумительной разумности этого животного. Весь городок был знаком с коровой мисс Бетси Баркер и питал к ней самую теплую симпатию, а потому велико было всеобщее огорчение и сочувствие, когда бедняжка по неосторожности свалилась в яму с негашеной известью! Она мычала так громко, что ее почти сразу же услышали и спасли, но тем не менее она успела лишиться

чуть ли не всей своей шерсти, и когда ее извлекли из ямы, она уже совсем облезла и дрожала от холода. Все жалели несчастную корову, хотя кое-кто и не мог сдержать улыбки — таким нелепым был ее голый вид. Мисс Бетси Баркер плакала от горя и отчаяния, и говорили, что она уже хотела было устроить корове масляную ванну. Наверное, такое средство рекомендовал ей кто-нибудь из тех, к кому она обращалась за советом, но этому плану, если что-либо подобное и предполагалось, положил конец капитан Браун, заявив решительно:

— Если вы хотите, чтобы она не сдохла, сударыня, то обрядите ее во фланелевую кофту и панталоны. Но я бы вам посоветовал сразу зарезать бедную скотину, чтобы она не мучилась.

Мисс Бетси Баркер осушила слезы и от души поблагодарила капитана. Она взялась за работу, и вскоре весь городок высыпал на улицы посмотреть, как оддернейская корова кротко шествует на пастбище в одеянии из темно-серой фланели. Я сама много раз любовалась ею в этом наряде.

А вы в Лондоне когда-нибудь видели коров, одетых в серую фланель?

Капитан Браун снял небольшой домик на окраине городка, где и поселился с двумя своими дочерьми. Когда я впервые побывала в Крэнфорде после того, как перестала там жить постоянно, ему было за шестьдесят. Но он выглядел гораздо моложе, так как благодаря каждодневным упражнениям сохранил крепость и гибкость фигуры, голову держал высоко, на военный манер, а походка у него была бодрой и упругой. Старшая дочь казалась почти его ровесницей, и это выдавало, что на самом деле он много старше, чем кажется. Мисс Браун

было, наверное, лет сорок. Лицо ее хранило болезненное, обиженное, измученное выражение, и его юная веселость давным-давно исчезла без следа. Впрочем, и в молодости она, вероятно, была некрасива, и ее черты отличались резкостью. Мисс Джесси Браун была на десять лет моложе сестры и в двадцать раз милее. На ее округлом лице играли ямочки. Мисс Дженкинс, гневаясь на капитана Брауна (о причине этого гнева я вскоре вам расскажу), как-то объявила, что, по ее мнению, «мисс Джесси уже пора бы отказаться от ямочек и не притворяться ребенком». Действительно, в ее лице было что-то детское, и я убеждена, что таким оно и останется, доживи она хоть до ста лет. У нее были большие голубые удивленные глаза, которые всегда смотрели прямо на вас, нос чуть курносый, а губы алые и свежие. Ее манера завивать волосы в мелкие локоны еще усиливала это общее впечатление. Не могу сказать, была ли она хорошенькой или нет, но мне нравилось ее лицо, как оно нравилось всем, и, по-моему, над своими ямочками она была не властна. Ее походку и манеры отличала та же бодрость, какой дышала внешность ее отца, и женский глаз без труда подметил бы легкое различие в одежде сестер — а именно, что туалеты мисс Джесси обходились на два фунта в год дороже, чем туалеты мисс Браун. Два же фунта были значительной суммой в годовом бюджете капитана Брауна.

Вот какое впечатление произвели на меня Брауны, когда я впервые увидела их всех вместе в крэнфордской церкви. С капитаном я уже успела познакомиться — благодаря дымящему камину, который он без труда исцелил, поправив что-то в трубе. В церкви во время утреннего гимна он держал у глаз лорнет, а затем высоко

Содержание

Предисловие	7
ГлаваI. Наше общество.....	24
ГлаваII. Капитан.....	39
ГлаваIII. Давняя любовная история.....	59
ГлаваIV. Визит к старому холостяку.....	71
ГлаваV. Старые письма.....	87
ГлаваVI. Бедный Питер.....	102
ГлаваVII. Визиты.....	118
ГлаваVIII. «Ваша милость».....	133
ГлаваIX. Синьор Брунони.....	151
ГлаваX. Паника.....	164
ГлаваXI. Сэмюэл Браун.....	183
ГлаваXII. Помолвка.....	198
ГлаваXIII. Прекращение платежей.....	210
ГлаваXIV. Друзья в нужде.....	225
ГлаваXV. Счастливое возвращение.....	249
ГлаваXVI. Мир нисходит на Крэнфорд.....	266
Комментарии.....	277

Літературно-художнє видання

ГАСКЕЛЛ Елізабет

Кренфорта

Роман

(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *Т. О. Небесна*
Художній редактор *А. О. Попова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *М. Г. Беднік*

Підписано до друку 20.12.2018. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Lazurski». Ум. друк. арк. 15,12. Наклад 4500 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а. E-mail: cor@bookclub.ua

Віддруковано у ПрАТ «Білоцерківська книжкова фабрика»
09117, м. Біла Церква, вул. Леся Курбаса, 4
впроваджена система управління якістю
згідно з міжнародним стандартом DIN EN ISO 9001:2000

Литературно-художественное издание

ГАСКЕЛЛ Элизабет

Крэнфорта

Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Т. А. Небесная*
Художественный редактор *А. О. Попова*
Технический редактор *В. Г. Євлахов*
Корректор *М. Г. Бедник*

Подписано в печать 20.12.2018. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Lazurski». Усл. печ. л. 15,12. Тираж 4500 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а. E-mail: cor@bookclub.ua

Отпечатано в ЧАО «Белоцерковская книжная фабрика»
09117, г. Белая Церковь, ул. Леся Курбаса, 4
внедрена система управления качеством
согласно международному стандарту DIN EN ISO 9001:2000

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов**Харьков**

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Яскраві замальовки з життя Мері Сміт та її подруг, які живуть у провінційному англійському містечку. У Кренфорді немає нічого особливого, крім того, що в ньому... ніяк не приживаються чоловіки. Цютливі кренфордські дами живуть за власними неписаними законами і вражають своїми дивацтвами. До того ж вони непохитні у переконанні, що бути чоловіком — це вульгарно. Втім, зрештою у Кренфорді все ж з'являється чоловік, якому вдається змінити їхні погляди. Книга зачаровує неперевершеним гумором, філігранно передає найтонші нюанси взаємин і красу людської душі.

Гаскелл Е.

Г22 Крэнфорд : роман / Элизабет Гаскелл ; пер. с англ. И. Г. Гуровой. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2019. — 288 с.

ISBN 978-617-12-5623-1

Яркие зарисовки из жизни Мэри Смит и её подруг, обитающих в захолустном английском городке. В Крэнфорде нет ничего примечательного, кроме того, что в нем совершенно... не приживаются мужчины. Чопорные и целомудренные крэнфордские дамы живут по собственным неписаным законам и удивляют своими чудачествами. К тому же они непреклонны в убеждении, что быть мужчиной — это вульгарно. Впрочем, в конце концов в Крэнфорде все же появляется человек, которому удастся изменить их взгляды. Книга очаровывает неподражаемым юмором, филигранно передает тончайшие нюансы взаимоотношений и красоту человеческой души.

УДК 821.111

Джон Торнтон — молодой преуспевающий промышленник из северного Милтона. С юных лет он занят созданием и развитием своей хлопковой империи. Нелегкие жизненные обстоятельства сделали его жестоким и холодным. Однако сердце волевого мужчины оттаяло после знакомства с прекрасной Маргарет. Сурового северянина Джона покорила женственная и добрая, но гордая и своенравная южанка. Ответит ли она взаимностью этому «вульгарному выскочке»?

Оставшийся незавершенным из-за внезапной смерти Элизабет Гаскелл, ее последний роман, тем не менее, признан критиками лучшим из произведений писательницы. Его заключительная часть была дописана журналистом и литератором Ф. Гринвудом по черновикам и письмам Гаскелл, где она делалась планами развития сюжета и дальнейшей судьбы героев. Роман «Жены и дочери» сравнивают с произведениями Шарлотты Бронте, с которой писательницу связывали добрые дружеские отношения. Главная героиня, шестнадцатилетняя дочь провинциального врача Молли Гибсон, чистая, доверчивая и пылкая, на глазах читателя превращается из угловатого подростка в прекрасную юную леди, взрослеет, переживая все муки неразделенной любви. «Жены и дочери» — вершина литера-

турного творчества знаменитой британской писательницы.